

Казачество и государственность

Cossacks and statehood

Государство всегда играло существенную роль в экономической и социокультурной жизни России и тем более в жизни отдельных сословий – как в форме административно-правового оформления и вмешательства, так и через непосредственное регулирование деятельности. Оно долгие годы было главным феодалом для казачества в ряде ключевых отраслей его жизнедеятельности. Именно самодержавие и его структуры использовало и контролировало казачество как проводника своих имперских замыслов. Данное обстоятельство предопределило эволюцию развития казачества, начиная с XV века.

В мировой и отечественной науке вопросы взаимоотношений казачества и государства получили отражение в трудах Н.И. Никитина, А.П. Скорик, М.А. Рыбловой, Э. Хобсбаума и др. [1, 2, 3, 4]. Зарубежная историография не всегда так восторженно оценивала природу казачьей государственности. Казаков XVI-XVII вв. называли и бандитами, которые были отвергнуты государством, но воспринимались как герои в самом крестьянском сообществе.

Сегодня отечественные исследователи сохранили стабильный интерес к теме государственности в проблематике казачества. В работах С.А. Кислицына, А.А. Волвенко и многих других проанализированы различные аспекты развития этих взаимоотношений в широких хронологических рамках [5, 6, 7].

Целью данной статьи является раскрыть противоречия и дуализм взаимоотношений казачества с российским государством, проследить, какие стадии прошла их эволюция.

До сих пор казачье движение до конца не вписывается в правовое поле Российского государства, представляя собой источник социально-политического

напряжения. Риски, связанные с возможностью и неизбежностью конфликтных ситуаций, складывались как следствие противоречивости самой природы казачества, пытающегося, с одной стороны, сохранить свободу и автономию, а с другой, вписаться в имеющуюся государственную структуру. Это противоречие присутствовало уже с момента зарождения казачества в российском государстве: внешнеполитическая деятельность (охрана рубежей и участие в войнах) не увязывались с лидирующей ролью казачества в крестьянских бунтах и восстаниях.

Государство всегда принимало во внимание эти риски, учитывая, что казачество формировалось преимущественно представителями воинских служилых категорий населения разных государств, расположившихся по разные стороны Дикого поля. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, в свою очередь считали, что казаки – это потомки беглого русского населения, спасавшегося на окраинах государства от крепостного гнёта [3, с.67]. Советские историки единодушно полагали, что казаки изначально были связаны с российской государственной системой, а зарождение их культуры рассматривали как логическое продолжение русской крестьянской традиции. Н.И. Никитин и А.Л. Станиславский считали, что ранние казачьи сообщества архаичнее общественного устройства Российского государства, а А.Ю. Дворниченко говорил о них как о «параполитисе» (параполитейном государстве) [1]. Государственный и социальный коды при становлении казачества систематически противопоставляются как взаимоисключающие. Многие авторы настаивают на демократичности и развитости политической системы, например, донских казаков [2, 3]. Как бы то ни было, это указывает на сложную (порой дипломатическую) систему отношений, которую государство пыталось выстроить с казаками.

Формируясь в специфических условиях фронта, в маргинальном пространстве и экстремальных условиях, казачество всё же постепенно переходило к управленческой структуре, весьма близкой к общегосударственной. Современные модификации в рамках теории фронта помогают осмыслить особенности менталитета казачества, его государственнической природы,

обосновать вывод о постепенном изменении социальных ролей и связи с государством. Понятие «фронтир», по мнению специалистов, означает «место встречи, пространство и даже сам момент, где и когда встречаются культуры разного типа и уровня, где происходит их взаимовлияние и взаимное проникновение в структуру друг друга» [8, с.5]. Популярная сегодня теория объясняет некоторые особенности формирования менталитета казаков, по разным причинам попавших в районы фронта. Многие авторы отмечают в связи с этим присутствие в их личностных характеристиках демократизма, толерантности, вызванные именно уникальностью территории, где люди были вынуждены жить вместе. При этом происходило смешение самых разных судеб, особенностей самобытных народных укладов. Казакам для того, чтобы выжить в экстремальных условиях фронта, нужно было выработать такой алгоритм действия, который бы «обеспечил превращение шайки изгоев-разбойников в боевые организации с налаженной системой жизнеобеспечения и системой ценностей» [3, с.27]. Примечательно, что формирование первых казачьих сообществ относится к периоду XV-XVI вв., т.е. времени становления централизованного государства.

Специфика становления отношений казаков с российской властью заключалась в характере освоения новых территорий (в рамках «государственного феодализма»), что приводило к тотальному вмешательству государства в повседневную жизнь людей. Это сказалось на снижении и градусе сопротивления и стремлении к автономии. Так, например, в 1835 г. было издано «Положение об управлении Донского войска», в котором завершилось превращение казачества в замкнутое военно-служилое сословие. Как указывает М. Рыблова, «сворачивание казачьей вольницы происходило долго и постепенно» [3, С.15]. Этот, а также ряд других документов официально закрепили новое положение дел. Вольница была полностью поглощена Российским государством.

Однако нельзя абсолютизировать значение теории фронта в отношениях казачества с государством, а следует учитывать, что пограничное состояние и его дух постепенно стираются применительно к событиям конца XIX – начала XX в. Хотя в исследовании властных институтов империи проблемы пространственной

морфологии власти («географии власти») в отношении казачества до сих пор звучат достаточно актуально.

Говоря о государстве и государственности, необходимо принимать во внимание тех людей, которые «оживляют» его структуры, принимая на себя те или иные роли и отправляя те или иные государственные функции. В исторической науке сложилось довольно устойчивое представление о том, что казаки «несли государственность» на окраины империи, по мере освоения и колонизации новых территорий [9, с.322-329]. Государство было представлено там своим аппаратом, в том числе и казаками. Эта категория «слуг государевых» была наиболее многочисленной. Они строили первые русские города-остроги на границах империи, участвовали в экспедициях. Эта деятельность государевых служилых людей была подкреплена целенаправленной политикой верховной власти, а сами они становились агентами, проводниками государственности.

Казаков, как уже указывалось, называли представителями маргинального образования, которое сложилось на окраинах Московского царства и Речи Посполитой, там где потенциально земледельческое население могло с большей вероятностью подвергаться набегам кочевников. Уже с конца XVI в. упоминание о казаках становится постоянным и в документах сибирских городов [1, с.30]. Там их деятельность была связана со ссылкой, важной частью «государственной» политики в Сибири. Доля конных казаков в 1626 г. в городах Западной Сибири достигала 10 % от всего населения. К 1663 г. доля конных и пеших казаков, например, в Тобольске, составляла 40% гарнизона [1, с.32, 33]. В тех же районах, где не было набегов, и казаки не могли обнаружить подобающего себе противника, конных казаков вообще не было.

Интересно, что во многих районах наблюдалась унификация названий. Так, в одних, казаки стали называться стрельцами, а в других, наоборот, - стрельцы стали называться казаками. Хотя по Соборному уложению 1649 г. стрельцы имели более привилегированный юридический статус, тем не менее, и тех и других ждало жестокое наказание за оставление службы (гл. VII), также в документе государство встало на защиту чести казаков (гл. XXIV). Таким

образом, эволюция казачества была бы невозможной без организующего государственного начала. Казаки получали от государства денежное, хлебное и соляное жалованье. Делились они, как и стрельцы, на десятки, сотни и приказы (по 500 человек), во главе которых стояли «десятские, сотские и атаманы, а не «головы» [10, с.42-43].

На протяжении последней четверти XVII – XVIII веков шёл неуклонный рост численности казачества по всем пограничным регионам России. Однако все эти показатели, как бы ни были они важны для понимания проблемы «казачество и государственность», не дают нам возможности понять, что за люди составляли это сословие «служивых», так рьяно защищавших опоры власти и государства. Для этого необходимо обращение к биографическому методу. Так, например, биография казака Юрия Соболевского позволяет проследить мотивацию его государевой службы.¹ Здесь нужно понимать и чётко разделять понятия «служение государству» и «служба государю», ведь примерно до середины XVIII в. главенствовала личная преданность государю.

Этот шляхтич, принял православие, дал присягу на верность царю и в 1667 г. был направлен на службу в Сибирь «в дети боярские» города Томска вместе с женой Марфой, окладом 8 руб., 3 пудами соли, 12 четей ржи и 12 чети овса. При рождении сыновей, его оклад и довольствие повышались. В 1678 г. Юрий был в Москве, возвращался в начале 1679 г., «зимним путем» и вез «русский товар» для продажи. На подходе к Тобольску, на него было совершено нападение, в результате чего была похищена «государева казна» и весь товар. Казна впоследствии нашлась, но «двор» был весь описан. Стоимость имущества равнялась пятилетней заработной плате казака. Тем не менее, через 4 года, он, имея уже 3-х сыновей, назначается приказчиком Уртамской слободы, где позже будет строить Уртамский острог. На основании документов выяснено, что казна по несколько лет не выплачивала казакам жалованье. Эти задержки были не только в Сибири, но касались казаков и других регионов. Н.И. Никитин отмечал,

¹
с.326-327)

Биографию на основе документов РГАДА подробно исследовал И.Р. Соколовский (9,

что нередко полагавшееся служилому человеку жалованье отличалось от получаемого им в действительности [1, с 115].

В 1688 г. Юрию Соболевскому на строительство Уртамского острога из Сибирского приказа было выдано 200 руб. Сто пятьдесят пошли пашенным крестьянам, а 50 – ссыльным крестьянам. По его челобитной, поддержанной жителями Уртамского острога, была отстроена церковь, в которую царевна Софья прислала колокол и книги. В 1695 г. вместо него в «детях боярских» стали служить его сыновья. У них уже в начале XVIII в. имелись земельные владения. За всю его жизнь оклад повысился с 8 до 14 руб., однако он не всегда выплачивался сполна.

Эта раскрытая достоверными источниками судьба казака дает нам возможность понять то значение, которое представляли казаки для государства и власти. Это был надежный оплот государства на взрывоопасных окраинах: и изнутри (ссылные) и извне (постоянные набеги). Казаки, составившие многофункциональные внутренние войска, выполняли не только военно-охранительные функции, но и управленческие, экономические, геополитические, дипломатические, социокультурные. Все те функции и задачи, которые и ставило перед собой государство в период становления империи.

Бывали, однако, и случаи перехода казаков на сторону противника (полковник Михаил Криса в 1651 г. перешел на польскую сторону) [11]. Несмотря на влияние и контроль государства, всё же изнутри казачьи сообщества долгое время (примерно до середины XIX в.) оставались архаичными, придерживавшимися норм обычного права. Государства вначале использовало казачью вольницу в своих геополитических и внешнеполитических целях, а затем взяло её под контроль. Этот процесс завершился примерно в то же время – в первой трети XIX в.

Государство всегда в полной мере осознавало и оценивало предстоящие риски, связанные с казачьей вольницей. Именно поэтому Борис Годунов отправил первыми воеводами с отрядами казаков в Сибирь сторонников своего политического противника боярина Ивана Шуйского. Несмотря на многовековой

имидж бунтовщиков, казачество сохранило преданность государству. По крайней мере, исследователи истории донских казаков доказывали их лояльность во время пугачевского бунта [3].

Советскому государству не нужен был такой союзник как казачество. В 1920-1930-е гг. оно почти исчезло с исторической арены. Хотя некоторые специалисты говорят о казачестве того времени как о специфической группе советского общества, изменившейся в условиях советской действительности, но не утратившей своих отличительных черт [2, с.64-66]. Действительно советские официальные торжества в прежних районах расселения казаков начинались казачьими парадами. Но это – скорее дань фольклорной традиции, декорация. Невнимание советского государства спродуцировало ряд проблем: детскую беспризорность, религиозность казаков, с которыми потом само и боролось.

Сущность советского государства не предполагала существования каких-либо сословно-этнических групп, подобных казачеству. Но, по крайней мере, донские казаки-колхозники всегда подчеркивали неизменную преданность советской власти [2, с.71]. Со своей стороны, советская власть никогда не забывала с кем имеет дело, и в начале 1950-х гг. и позднее держала на учёте старые «социальные грехи» казачества, которые в период становления нового государства не очень приветливо его встретили и долго сопротивлялись закреплению новых общественных порядков на казачьих землях. Всё это также доказывает преданность казачества правителю *лично*, а не *абстрактному* государству.

Во время Великой Отечественной войны казаки сыграли эпизодическую роль, окончательно продемонстрировав разрыв давней традиции защитника Отечества. Стихийное возрождение казачества началось в конце 1980-начале 1990-х гг. Тогда и заговорили о неоказачестве, о «новом феномене в политической системе российского государства» [2, с.65;67]. Современная реанимация казачества всё также идёт под государственным контролем. Как указывают специалисты, «государству необходимо искать пути взаимодействия с казачьими структурами, их атаманами, разрабатывать «казачью политику»,

которая, как показывает опыт, тесным образом может быть связана с национальной и даже внешней политикой» [6, с.186]. Создание в 1996 г. Главного управления казачьих войск при Президенте РФ, юридическая регистрация казачьих объединений, включение их в государственный реестр демонстрируют не только усиление контроля, но и внимание центральной власти к казачеству. Однако как и у царской, а потом советской власти, у неё отсутствует концептуальное видение места казачества в общем государственном механизме.

Итак, в сложном процессе государственного строительства в России особенно остро вставала проблема кадрового обеспечения при реализации властной воли, лояльности подданных. В ходе многовековых экспериментов выяснилось, что стабильность государства зависит, в том числе и от их взаимного доверия. Противоречивый характер взаимоотношений казачества и государства, неоднократные попытки конфронтации с верховной властью отразили общие кризисы государственности в нашей стране.

Итак, прослеженная противоречивость эволюции взаимоотношений «служилого» сословия с государством показывает государственно-казачье измерение истории казачества в России, ту роль, которые они сыграли в становлении, оформлении и защите суверенитета империи на протяжении XVII – XIX вв. Парагосударственная модель, которая создавалась казачьими сообществами на границах укрепляющегося Российского государства, по многим параметрам противопоставлялась (диссонировала) государственности статусной территории, но в то же время обе эти модели создавали единую систему – единое российское государство. Сложный механизм их взаимодействия и составляет суть изучаемого феномена – казачества и дуализм его связи с государством.

Список литературы

1. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск, 1988. – 277 с.
2. Скорик А.П. Донское казачество в начале 1950-х гг. // Вопросы истории. – 2013. - № 1. – С.64-72.

3. Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. / М. А. Рыблова – Волгоград, 2006. – 342 с.
4. Hobsbawm E.J. Social Banditry// Rusal protest: Peasant Movemenst and Social Change. 1974.
5. Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917-1945. – Ростов-на-Дону, 1996.
6. Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX - нач. XX вв. // Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности / Под ред. Б.В.Ананьича, С.И.Барзилова. Серия "Университетская наука", вып.3. - М.: Московский общественный научный фонд, 2001. - С.186-203.
7. Волвенко А.А. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50-х - нач. 70-х гг. XIX в. // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. - Волгоград, 2007. - С.26-29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_formirovanie.htm обращения 09.03.2013).
8. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Предисловие // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – XX века. Новосибирск, 2004.
9. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 403 с.
10. История казачества Азиатской России / Н.А. Миненко (отв.ред). – Екатеринбург, 1995. Т.1. XVI – первая половина XIX в.
11. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. – Новосибирск, 2004.